

Лу Цзюньсянь терпеливо учил Цзи Чэна оборачивать книги. Он даже сходил в кабинет за подходящим томом, чтобы парень мог опробовать всё на практике.

Один устроился прямо на ковре, другой присел рядом на корточки; склонившись над низким журнальным столиком, они — если закрыть глаза на их рост и возраст — походили на двух малышей, увлечённо собирающих конструктор перед обедом.

Хэ Шаоюань, проходя в столовую с подносом в руках, скользнул по ним тёплым взглядом и с улыбкой окликнул:

— Дети, за стол!

Откликнувшись, Лу Цзюньсянь подождал, пока Цзи Чэн закончит с последним уголком, похвалил его работу и, смахнув обрезки бумаги в корзину, повёл парня мыть руки.

Когда они уселись за обеденный стол, Дядя с Ли Чэнем один за другим перенесли из кухни исходящие паром блюда.

Цзи Чэн сглотнул, глядя на россыпь тарелок, манящих аппетитными ароматами и красками, и вдруг вспомнил: он ведь сегодня с утра дотошно искал рецепты в сети, собираясь сам приготовить ужин для Лу Цзюньсяня... Как получилось, что в итоге он лишь покрошил пару овощей?

Впрочем, готовить так же искусно, как дядя, он всё равно не умел. Слегка огорчившись своей беспомощности, Цзи Чэн тут же мысленно перекрестился: хорошо, что старшие приехали вовремя, иначе он гарантированно опозорился бы перед Лу Цзюньсянем.

— Ешьте, Сяо Цзи, не стесняйся, — добродушно проговорил Хэ Шаоюань. — У нас за столом никаких чинов и церемоний.

Цзи Чэн кивнул и поднял палочки только после того, как старшие притронулись к еде.

Церемоний и впрямь не водилось — главным образом благодаря дяде, чьи речи лились нескончаемым потоком. Цзи Чэну это пришлось по душе: пока его не втягивали в разговор, можно было спокойно слушать чужой бубнёж и уминать ужин, не пытаясь от смущения.

— В этот раз опять поселишься со съёмочной группой? — поинтересовался дядя.

— Угу, — отозвался Лу Цзюньсянь. — Да там немного осталось, полтора месяца — и закончим.

— Полтора месяца — это ему «немного»! Мы с твоим дядей Ли на следующей неделе снова в поездку собираемся, думали и тебя прихватить. Мать твоя извелась уже, всё боится, что ты

дома в четырёх стенах заплесневеешь.

Цзюньсянь беспомощно вздохнул:

— Я не плесневею... У меня вообще-то работа. К тому же я иногда выезжаю на натуру, ищу вдохновение.

— Есть такой вид домоседства, — назидательно отрезал дядя, — называется «мама считает, что ты сидишь дома».

Слышавший это Ли Чэнь тихонько хмыкнул и кивнул, полностью соглашаясь.

Цзюньсянь лишь дар речи потерял.

Повернув голову, он глянул на Цзи Чэна. Тот с поразительным усердием уничтожал содержимое своей пиалы, явно не вслушиваясь в их перепалку.

Тема исчерпала себя, и Хэ Шаоюань, воспользовавшись тем, что племянник отвлёкся на юношу, принялся активно делать знаки Ли Чэню, поводя бровями и подмигивая.

Перехватив условный сигнал, Ли Чэнь кашлянул и невинным тоном поинтересовался:

— Как у вас с Цзыцюнем в последнее время? Всё гладко?

Засекавший все их пантомимы Лу Цзюньсянь мысленно застонал. Стоит этим двоим сыграть в четырёхручный дуэт — и из него вытянут любые тайны, спасения нет.

— Мы расстались, — ровно произнёс Цзюньсянь. Он и так собирался при случае ввести их в курс дела, скрывать тут было нечего.

Хэ Шаоюань и Ли Чэнь обменялись быстрыми взглядами. Особого изумления на их лицах не отразилось — вероятно, появление Цзи Чэна уже навело их на определённые мысли и подготовило почву.

— Он тебя обидел? — дядя слегка нахмурился.

— Нет. Просто не сошлись взглядами на жизнь, вот и не смогли дальше быть вместе. Расстались мирно, без скандалов.

Услышав о разрыве, Цзи Чэн, доселе не поднимавший головы от еды, воровато приподнял взгляд и мазнул по лицу Цзюньсяня. Убедившись, что продюсер не выглядит расстроенным, он

снова уткнулся в пиалу.

Примечательный манёвр паренька не укрылся от глаз Хэ Шаоюаня. Тот вскинул бровь и с чувством произнёс:

— Что ж, главное — сам цел. Насильно мил не будешь, так что мирный разрыв — решение взрослое. Да и найти кого помоложе тоже дело хорошее.

Цзюньсянь про себя всплеснул руками. Сегодня они с этой темой про «кого помоложе» вообще закончат?

Сложив в пиалу дяди сочный кусок свинины, Цзюньсянь с мольбой произнёс:

— Дядюшка, умоляю, просто поешьте!

— Да-да, ем, — закивал Хэ Шаоюань, с удовольствием уплетая угощение и одновременно толкая локтем Ли Чэня, мол, твой черёд вступать в игру.

Глядя на их заговорщицкие мины, Цзюньсянь окончательно пал духом. Перекрёстный допрос этих двоих выдержать невозможно.

Ли Чэнь, видя отчаянный вид племянника, лишь мягко улыбнулся. Игнорируя знаки супруга, он молча продолжил ужинать, воздержавшись от расспросов.

И вот, когда за столом воцарился долгожданный покой, из кармана Цзи Чэна на всю столовую грохнул дребезжащий динамик старенького кнопочного телефона:

«Пятьдесят шесть народов, пятьдесят шесть цветов, пятьдесят шесть братьев и сестёр — одна семья!...»

Цзюньсянь, уже слышавший этот шедевр, лишь слегка вздрогнул, а вот Хэ Шаоюань с Ли Чэнем от неожиданности подпрыгнули. У дяди кусок свинины, уже поднесённый ко рту, сорвался с палочек обратно в пиалу.

Сгорая от неловкости, Цзи Чэн выудил из кармана раритетный «бабушкофон» и судорожно зажал динамик ладонью, пытаясь заглушить орущую патристическую песню. Он виновато бросил взгляд на собравшихся.

— Всё в порядке, ответь, — тепло улыбнулся Лу Цзюньсянь.

Кивнув, Цзи Чэн поднялся и отошёл к окну.

Цзюньсянь провожал его взглядом. Разговор вышел коротким: парню понадобилось лишь пару раз отрывисто проронить: «Угу», «Хорошо».

— А парень-то с характером, — проводив взглядом раритетный мобильник, промолвил Хэ Шаоюань.

Цзюньсянь только вздохнул.

Телефонный разговор не занял и минуты. Цзюньсянь не стал посвящать родственников в финансовые затруднения Цзи Чэна.

Вернувшись на место, юноша молча возобновил трапезу с тем же предельным усердием. Хэ Шаоюаня одолевало любопытство, но, видя замкнутость гостя и недвусмысленные знаки племянника, он воздержался от расспросов.

Руководствуясь правилом «не пропасть ни крошке» (тем более с учётом аппетита Цзи Чэна), Лу Цзюньсянь проследил, чтобы стол был очищен дочи́ста. К счастью, едоков хватало, а кулинарные таланты дяди не оставили от угощения и следа.

После ужина все дружно прибрали со стола и загрузили посуду в посудомойку. Затем переместились в гостиную, рассчитывая немного поболтать за чаем, но Цзи Чэн неожиданно собрался отлучиться домой.

Заметив, что чемодан юноша оставляет, Цзюньсянь понял: тот намеревается вернуться. Он поднялся и перехватил его у выхода.

— Ты как собираешься добираться?

— На автобусе, — ответил Цзи Чэн и выудил из кармана одинокую монетку.

Цзюньсянь уставился на монетку, лежащую на широкой ладони, и зажал её пальцами:

— На автобусе отсюда до твоего дома больше часа езды. Пока обернёшься — последний рейс уже уйдёт. Я тебя отвезу.

Сердце Цзи Чэна подпрыгнуло. Кончики ушей, сохранявшие нейтралитет весь вечер, снова предательски налились пунцовым.

— Вы не любите садиться за руль, когда плотно поедите... Я потом возьму такси обратно.

Не ожидавший, что парень запомнил эту деталь, Цзюньсянь тихо рассмеялся:

— Нынче я не объедался.

Такси, конечно, было отличным вариантом, вот только Водный павильон номер семь располагался далеко от дома Цзи Чэна, и поездка встала бы в копеечку. Сам Цзюньсянь о такой сумме и не задумался бы, но Цзи Чэн, свято берегший каждую монету из-за долгов, мог замотать денег на машину. И кто знает, до какого безумия додумается этот чудак, чтобы вернуться?

Пойдёт пешком?..

Возьмёт велосипед напрокат?..

Или поймает попутный мотороллер?..

Вспомнив, как парень ничтоже сумняшеся караулил его у дверей с самого ранья на ледяном сквозняке, Цзюньсянь понял: от него жди чего угодно.

На улице мороз, глухая ночь — к чему эти жертвы, когда в гараже стоит машина?

Цзи Чэн и сам жаждал остаться с Лу Цзюньсянем наедине в тесном салоне авто, однако с нерешительностью покосился на старших, устроившихся на диване перед телевизором.

Проследив за их обменом любезностями и перехватив взгляд юноши, Хэ Шаоюань похлопал Ли Чэня по колену, покашлял и поднялся.

— Кхм! Ну, раз так, мы, пожалуй, тоже отбудем. Ночь на дворе, стужа... Цзюньсянь, отвези парня, как-никак Сяо Цзи тебя выручил.

Хэ Шаоюань подмигнул супругу, и они направились к прихожей переобуваться.

Цзюньсянь почувствовал лёгкий укол вины оттого, что не уделяет родственникам должного внимания, и пошёл провожать их к дверям.

Натянув туфли, Хэ Шаоюань похлопал племянника по плечу и вполголоса шепнул:

— Хороший паренёк, видно, что душевный. Молодой спутник — это ж загляденье! Вон, посмотри на нас с твоим дядей Ли: до сих пор наслаждаемся полной... гармонией в постели!

Цзюньсянь вознамерился провалиться сквозь землю.

— Попридержи язык, — не выдержал уже переступивший порог Ли Чэнь. Вытянув длинную

руку, он сгрёб за шиворот неугомонного мужа и вытащил его на площадку.

Старый хулиган, только молодёжь сбивает с пути истинного!

К дядюшкиным похвальбам о своём «молодом и горячем» Цзюньсянь давным-давно привык, так что лишь качнул головой, взял ключи от машины и окликнул Цзи Чэна.

Едва машина покинула территорию Водного павильона номер семь, Цзи Чэн, сидевший на пассажирском сиденье, достал из кармана банковскую карту:

— Мне нужно сначала снять деньги.

Мазнув взглядом по пластику, Цзюньсянь кивнул:

— По пути будет банкомат.

Тут же лоб продюсера прорезала лёгкая морщинка. Сирота... И кто-то требует с него деньги среди ночи. Коллекторы? Впрочем, влезать в чужую частную жизнь без приглашения было непедагогично, и Цзюньсянь удержал язык за зубами.

Припарковавшись у круглосуточного банкомата, Цзюньсянь вышел вслед за парнем — мало ли, если тот снимет крупную сумму, ночные прохожие могут оказаться нечисты на руку.

Цзи Чэн шагнул в стеклянную кабинку и, увидав Лу Цзюньсяня, придержал дверь, приглашая зайти вместе.

Продюсер аж оторопел: до чего же наивная душа, никакой бдительности! Помотав головой, он остался караулить снаружи.

Спустя пару минут Цзи Чэн вернулся. Цзюньсянь ожидал увидеть пухлую пачку — вымогатели обычно мелкой монетой не берут, — однако в руках юноши лежала скромная стопочка купюр. На глаз — тысячи три, не больше.

Парень шёл к машине, с усердием пересчитывая банкноты и еле слышно шепча: «...один, два, три, четыре...»

Цзюньсянь не знал, смеяться ему или плакать: снял наличность — спрячь с глаз подальше, а не перебирай у всех на виду! Схватив его за локоть, он поторопил парня в салон.

Оказавшись в безопасности, Цзи Чэн бережно сровнял пачку и сбившимся счётом принялся пересчитывать заново. Цзюньсянь терпеливо ждал, пока тот закончит. Ровно три тысячи

юаней.

— Всё сходится?

Парень кивнул. Цзюньсянь подался ближе, помог ему пристегнуть ремень безопасности и снова тронул машину.

Спустя некоторое время Цзи Чэн тихим голосом спросил:

— На съёмках... кормить будут?

— И кормят, и жильё предоставляют, не переживай.

Удовлетворённый ответом, Цзи Чэн выудил из глубокого кармана жменьку мятых денег. Выбрав три красные сотневые купюры, он добавил их к снятым тысячам, а мелочовку затолкал обратно.

Цзюньсянь боковым зрением уловил, как три стоюаневые банкноты примкнули к тридцати прошлым.

От этой картины в груди тоскливо защемило.

— Сколько с тебя требуют? На карте больше ничего нет? — мягко поинтересовался Цзюньсянь, едва сдерживая сочувствие.

— Вся карта под чистую, — чистосердечно выложил Цзи Чэн.

Это признание нанесло по сердцу продюсера очередной нокаутирующий удар.

— Коллекторы? Сколько ты ещё должен?

Цзи Чэн сначала кивнул, затем качнул головой и, немного помедлив, пояснил:

— Муж младшей тёти. У бабушки через пару дней семидесятилетие, хотят устроить пышный праздник. Дядя узнал, что я устроился на работу, и спросил, не смогу ли отдавать понемногу.

— Ты задолжал семье тёти? А другим людям?

— Больше никому, — качнул головой юноша. — Когда мама заболела, отец влезал в долги повсюду. Но мама всё равно умерла... Отец вкалывал день и ночь, чтобы расплатиться, и попал

в аварию. Страховкой и компенсацией за его гибель удалось погасить все сторонние долги, остался только долг тётушке. Муж тёти предлагал мне переехать к ним, продать нашу квартиру и вернуть им всю сумму сразу. Но я отказался. Я заработаю и всё отдам сам. Это мой дом, я не дам его продать.

Цзи Чэн говорил это с бесстрастным видом, но пальцы его неустанно перебирали и перетасовывали эти тридцать три купюры, выдавая бурю, бушевавшую в душе.

Цзюньсянь впервые слышал от него столь длинную речь. Парень излагал трагедию своей жизни ровным, почти бесстрастным тоном, однако у слушателя сжималось сердце.

— И правильно, продавать не будем, — ласково промолвил Цзюньсянь и, протянув руку, мягко потрепал юношу по густой шевелюре.

Это была не просто недвижимость — то был последний оплот Цзи Чэна, единственный уголок, где хранилась память о его родителях.

Ощувив ласковую тяжесть на макушке, Цзи Чэн почувствовал, как тяжесть с души спадает. Пальцы едва заметно дрогнули, а кончики ушей снова залила краска.

— И сколько ты им ещё остался должен?

— Сто одиннадцать тысяч триста юаней. Я каждый месяц с подработок отправляю им немного.

Для студента-выпускника сумма неподъёмная. Теперь Цзюньсянь до конца осознал, отчего юноша экономит на каждой крохе и хватается за любые подработки.

— А как же учёба, плата за обучение? Неужто подработками на всё хватает?

— За учёбу платят из фонда помощи малоимущим, да и стипендия у меня есть — и государственная, и университетская.

Цзюньсянь бросил на него быстрый одобрительный взгляд и снова взъерошил его волосы:

— Ну надо же, какой молодец! Оказывается, ты у нас ещё и отличник!

От этой похвалы вся горечь, накопившаяся в груди, растаяла без следа. Уши Цзи Чэна полыхали пламенем, пальцы, сжимавшие пачку денег, мелко поддрагивали, но сам он старательно изображал непроницаемость, смущённо уставившись за окно.

Видя, как суровый парень снова превратился в застенчивого юношу с пылающими ушами и

дрожащими руками, Цзюньсянь улыбнулся и плавно прижал машину к обочине.

— Дай мне свою карту.

Цзи Чэн растерялся, но безропотно протянул пластик.

Цзюньсянь выудил смартфон и за пару кликов перевёл со своего счёта на карту парня ровно сто одиннадцать тысяч триста юаней.

Опомнившись от уведомления, Цзи Чэн изменился в лице, выхватил карту и отрезал холодно:

— Мне не нужны ваши деньги.

Цзюньсянь лишь тиховато хмыкнул:

— С чего вдруг они «мои»? Это твой аванс за съёмки. Рассчитаешься с долгами — и сможешь со спокойной душой работать на площадке, разве не так?

Цзи Чэн перевёл взгляд с карты на продюсера и с запозданием вспомнил: он ведь скоро получит аж двести тысяч юаней, хоть пока денег и не видел.

— Но я ведь ещё не сыграл ни сцены.

— Договор подписан? Или ты собираешься сбежать?

— Нет, конечно.

— Ну вот и ладушки. Эти деньги всё равно твои по праву.

Логика казалась железобетонной, однако Цзи Чэн прекрасно понимал: Лу Цзюньсянь просто протянул ему руку помощи. Сжимая карту в ладони, парень кивнул. В груди разливалось щемящее, сладкое тепло.

— Вы невероятный... Замечательный. Ровно такой, каким я вас представлял, — тихо, уставившись в тёмное окно, пробормотал Цзи Чэн.

Не разобрав слов, Цзюньсянь плавно тронул машину с места и добавил с теплотой:

— Отдашь карту дяде целиком, а потом заведёшь новую, чистую. У тебя начинается совсем другая жизнь, Цзи Чэн. Время обязательно принесёт тебе счастье.

— Угу.

Цзи Чэн тихо откликнулся. В те мрачные годы, когда отчаяние сжимало горло, он раз за разом перелистывал книги, написанные Лу Цзюньсянем. Со страниц звучали слова: «Время всегда благосклонно к людям: оно врачует раны, оставляет надежду, и не бывает в жизни абсолютных тупиков».

Книга не солгала.

И Лу Цзюньсянь не обманул.

<http://bllate.org/book/20688/2131345>